

Т. Скребницкий

ЛЕСНОЙ ГОЛОСОК РАССКАЗЫ

Художник
И. Цыганков

Издательство
АСТ

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С45

Скребицкий, Георгий Алексеевич.

С45 Лесной голосок. Рассказы / Г. Скребицкий; худож. И. Цыганков. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 141, [3] с.: ил. — (Детское чтение).

ISBN 978-5-17-160103-4.

Георгий Алексеевич Скребицкий — писатель-натуралист. В его рассказах человек и природа тесно связаны. Г. Скребицкий считал, что не только человек преобразует природу, но и природа преобразует человека и общество в целом — воспитывает моральные качества, нравственность. Рассказы писателя во многом биографичны: он с детства любил лес, охоту, в доме его отца всегда было множество спасённых зверей и птиц.

В сборник вошли лучшие произведения Г. Скребицкого — «Лесной голосок», «Сиротка», «Кот Иваныч», «Лесной прадедушка» и другие.

Рисунки И. Цыганкова.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Скребицкий Г. А., насл., 2024
© Цыганков И. А., ил., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ДРУЗЬЯ МОЕГО ДЕТСТВА

Всё своё детство я прожил в крошечном городке. Это было очень давно. Городок наш тогда больше походил на деревню. Улицы в нём были немощёные, заросшие травой, а домики одноэтажные, деревянные, и около каждого домика — старый, запущенный сад. Летом в этих садах водилось множество певчих птиц, и их весёлое щебетанье раздавалось с утра до позднего вечера.

Железная дорога от нашего городка проходила в десяти километрах. Когда, бывало, подъезжаешь по шоссе от станции к городку, издали домов почти совсем и не видно. По всему пригороду

над речкой зеленеют сады, и только кое-где из этой зелени выглядывают красные крыши домов.

В этом городе мой отец служил врачом, заведовал больницей. Он был страстный охотник, рыболов и очень любил всяких животных. Мать моя тоже любила животных и часто смеялась, что у нас в доме настоящий зверинец. И это была правда. Кого-кого у нас только не было!

Постоянными и неизменными жильцами нашего дома были папина легавая собака Джек и огромный толстый кот Иваныч. Джека и Иваныча я помню в течение всего моего детства.

Кроме них, тут же в комнатах жили ручные ежи, зайчата и другие зверьки, которых я приносил из леса.

Джек и Иваныч обычно дружески встречали всякого нового пришельца. Очень скоро пойманный зверёк осваивался, привыкал и чувствовал себя в нашем доме, как у себя в лесу.

Отец и мать бережно, любовно относились к каждому из наших четвероногих или крылатых питомцев, никогда их не обижали, кормили, ухаживали за ними. Поэтому все животные у нас в доме скоро становились совсем ручными.

Но особенно много у нас всегда бывало различных птиц.

В столовой и в кабинете у отца стояли огромные светлые клетки, и в них жило множество чижей, щеглят, синиц и других наших певчих птичек.

Клетки для птиц у нас были не такие, как обычно в домах у любителей, а прямо как в зоопарке. Это были просторные вольеры, затянутые проволочной сеткой. Они стояли на полу. В такую вольеру можно было свободно войти, чтобы вычистить там, сменить птицам воду и положить свежего корма. Внутри вольеры помещались кустики, на которых сидели наши пернатые певцы.

Каждое утро, как только папа уходил на работу в больницу, я завешивал окна сеткой, чтобы птички не могли удариться о стекло, и выпускал их полетать по комнатам.

Что тут только поднималось! Чирикание, свист, щебетание. Птицы весело порхали по всей комнате, перелетали с буфета на дверь, с двери — на окна, садились в столовой на стол и склёвывали крошки хлеба. А в это время я чистил и убирал клетки.

Загонять птиц обратно в клетки не приходилось. Налетаются они, устанут,

проголодаются. А в клетке уже свежий корм в кормушках насыпан, чистая вода в тазике налита. Птицы сами в свой домик и залетят.

В клетках держали мы птиц только зимой, до начала весны.

Первый тёплый солнечный день бывал нашим любимым праздником. Обычно в этот день папа старался пораньше вернуться из больницы. Мы с нетерпением ждали его прихода. И тут начиналось самое интересное.

Папа не торопясь доставал из ящика клещи, стамеску, молоток и принимался выставлять в одном из окон зимнюю раму. Он делал это не спеша, как он сам говорил: «С чувством, с толком, с расстановкой». А мы с братом от нетерпения суетились вокруг него и старались хоть чем-нибудь помочь в этой увлекательной работе.

Наконец вся замазка отковырена, гвозди выдернуты. Мы все дружно хватаемся за раму, тянем её, и она с лёгким шуршанием вылезает из окна и ставится тут же рядом на пол.

Мама убирает с подоконника старую, пожелтевшую вату и сметает крылышком сухих мух. Папа отодвигает задвижки, распахивает окно, и в комнату вры-

вается свежая душистая волна весеннего воздуха.

Весна! Выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался... —

весело декламирует папа.

Мы бросаемся к клеткам, широко распахиваем дверцы.

Птицы вылетают на волю и весёлой щебечущей стаей рассыпаются тут же по саду. Они садятся на ветви яблонь и груш, охорашиваются, чистят пёрышки и щебечут, щебечут без умолку.

Этот день бывал настоящим праздником не только для птиц, но и для нас — ребят. Даже теперь, почти через сорок лет, при одном только воспоминании о нём, я будто вновь вижу наш сад, ещё не одетый листвой, весь залитый весенним солнцем, и будто вновь слышу радостные птичьи голоса. И как хорошо, как чудесно сливается воедино это воспоминание о ранней весне и о моём раннем счастливом детстве.

Эти весенние дни навсегда остались в моей памяти чем-то удивительно светлым и радостным. Так с самых ранних лет я уже приучался любить природу и её обитателей.

Отец учил меня внимательно вглядываться в жизнь животных. Он постоянно говорил мне, что большинство животных — наши верные друзья. Эти слова я запомнил на всю жизнь. А когда вырос и кончил учиться, то сделался натуралистом, стал много путешествовать и серьёзно изучать жизнь диких зверей и птиц.

Но всегда, где бы я ни путешествовал, каких бы животных ни изучал, я постоянно вспоминал и вспоминаю о первых крылатых и четвероногих друзьях моего детства, которые помогли мне научиться понимать и любить жизнь нашей родной природы.

Вот об этих друзьях моего детства я и хочу рассказать вам, ребята.

ДЖЕК

Мы с братом Серёжей ложились спать. Вдруг дверь растворилась и вошёл папа, а следом за ним — большая красивая собака, белая, с тёмно-коричневыми пятнами на боках. Морда у неё тоже была коричневая, а огромные уши свисали вниз.

— Папа, откуда? Это наша будет? Как её звать? — закричали мы, вскакивая с постелей в одних рубашках и бросаясь к собаке.

Пёс, немного смущённый такой бурной встречей, всё же дружелюбно завилял хвостом и позволил себя погладить. Он даже обнюхал мою руку и лизнул её мягким розовым языком.

— Вот и мы завели собаку, — сказал папа. — Ну, а теперь марш по кроватям! А то придёт мама, увидит, что вы в одних рубашках бегаєте, и задаст нам.

Мы сейчас же залезли обратно в кровати, а папа уселся на стул.

— Джек, сядь, сядь здесь! — сказал он собаке, указывая на пол.

Джек сел рядом с папой и подал ему лапу.

— Здравствуй, здравствуй! — сказал папа, потряс за лапу и снял её с колен; но Джек сейчас же подал её опять.

Так он «здоровался» с папой, наверное, раз десять подряд.

Папа делал вид, что сердится, снимал лапу; Джек подавал опять, а мы замирали от удовольствия.

— Ну, довольно, — сказал наконец папа. — Ложись.

Джек сейчас же послушно улёгся у его ног и только искоса поглядывал на папу да слегка постукивал по полу хвостом.

Шерсть у Джека была короткая, блестящая, гладкая, а из-под неё проступа-

ли сильные мускулы. Папа сказал, что Джек — охотничья собака, легавая. С легавыми собаками можно охотиться только за дичью — за разными птицами, а на зайцев или лисиц — нельзя.

— Вот придёт август, наступит время охоты, мы и пойдём с ним уток стрелять. Ну, а теперь — живо, ложитесь спать, а то уже поздно!

Папа окликнул Джека и вышел с ним из комнаты.

На следующее утро мы встали рано, напились поскорее чаю и побежали гулять с Джеком.

Джек весело бегал по высокой густой траве, меж кустов, вилял хвостом, ласкался к нам и вообще чувствовал себя на новом месте как дома.

Набегавшись с Джеком, мы решили идти играть в охотники. Джек тоже отправился с нами. Мы сделали из обруча от бочки два лука, выстругали стрелы и пошли на «охоту».

Посреди сада из травы виднелся небольшой пенёк. Издали он был очень похож на зайца. По бокам у него торчали два сучка, будто зайчиные уши.

Первый стрельнул в него Серёжа. Стрела ударилась о пенёк, отскочила

и упала в траву. В тот же миг Джек сорвался с места, подбежал к стреле, схватил её в зубы и, виляя хвостом, принёс и подал нам. Мы были этим страшно довольны. Пустили стрелу опять, и Джек опять принёс её нам.

С тех пор Джек каждый день принимал участие в нашей стрельбе и подавал нам стрелы.

Очень скоро мы узнали, что Джек подаёт не только стрелы, но и любую вещь, которую ему бросишь, — палку, шапку, мячик... А иногда он притаскивал и такие вещи, о которых его вовсе никто не просил. Например, побежит в дом и принесёт из передней калошу.

— Зачем ты её принёс, ведь сухо совсем! Неси, неси назад! — смеялись мы.

А Джек прыгает вокруг, суёт в руки калошу и, видимо, вовсе не собирается нести её на место. Так и приходилось нести самим.

Джек очень любил с нами ходить купаться. Бывало, только начнём собираться, а он уж тут как тут: прыгает, вертится, будто торопит нас.

Речка в том месте, где мы купались, была у берега мелкая. Мы с хохотом и визгом барахтались в воде, брызгались,

гонялись друг за другом. И Джек тоже залезал в воду, прыгал и бегал вместе с нами. Если же ему кидали в речку палку, бросался за нею, плыл, потом брал в зубы и возвращался на берег. Часто в порыве веселья он хватал что-нибудь из нашей одежды и пускался бежать, а мы гонялись за ним по лугу, стараясь отнять штаны или рубашку. А один раз вот что получилось.

Купались мы на речке вместе с папой. Папа плавал очень хорошо. Он переплыл на другую сторону и стал звать к себе Джека. Джек в это время играл с нами. Но как только он услышал папин голос, сразу насторожился, бросился в воду, потом неожиданно вернулся, схватил в зубы папину одежду, и не успели мы опомниться, как он уже плыл на ту сторону. Следом за ним, раздуваясь как большой белый пузырь, тащилась по воде рубашка, а брюки уже совсем намокли, скрылись под водой, и Джек едва их придерживал зубами за самый кончик.

Мы так и замерли на месте, боясь, что он упустит одежду и она утонет. Но Джек ничего не растерял и благополучно переплыл на другую сторону.